

Гретхен Уайт не отрываясь глядела на траурные тени, расплзшиеся по безжизненной руке Лены Букер. Они околдовали ее. Так же, как бледные губы Лены и запрокинутая на диванные подушки голова.

— И почему это я не удивлен, застав тебя с трупом? — раздался у нее за спиной ворчливый голос с типичным бостонским акцентом.

— Потому что, по твоему мнению, я убийца, который оказался тебе не по зубам, — сухо и чистосердечно ответила Гретхен, поворачиваясь к незаметно подкравшемуся детективу Патрику Шонесси.

Рядом с детективом стояла миниатюрная девушка с аппетитными формами, иссиня-черными волосами и огромными, словно у олененка Бэмби, карими глазницами.

Час назад Гретхен обнаружила Лену холодной, как лед, а два часа назад подруга прислала ей на автоответчик полное боли и отчаяния сообщение. Сообщение, о котором Шонесси знать необязательно.

«Я наломала дров, Грета», — призналась Лена.

— Убийца оказался мне не по зубам, — задумчиво протянул детектив и поддернул брюки, вечно сползавшие с его живота, непомерно округлившегося от ежедневных пивных возлияний и пристрастия к жареной пище.

— Против правды не попрешь, верно? — хмыкнула Гретхен.

Олененок Бэмби окинула их озадаченным взглядом.

— Вы знакомы? — спросила она.

Гретхен чуть не ляпнула язвительное «еще как», но вовремя прикусила язык. Она давно научилась подавлять желание говорить первое, что приходило на ум. А порой и второе, и третье. Она и не помнила, с кем в последний раз общалась откровенно и без стеснения, предварительно не взвешивая каждое слово. Возможно, именно с Леной, особенно в те мгновения, когда на нее нападали приступ самоедства.

— О, среди нас появился настоящий детектив! — возликовала Гретхен. — Повезло тебе, Шонесси!

Попытка хоть как-то смягчить тон пропала втуне, и ее возглас прозвучал намного саркастичнее, чем это допускалось в приличном обществе. Впрочем, безжизненное тело подруги, над которым они трое склонились, служило достаточным оправданием для ее колкости.

Шонесси обиженно засопел и представил их:

— Детектив Лорен Маркони. Гретхен Уайт.

— Доктор... — задетая за живое, Гретхен метнула на Шонесси мстительный взгляд.

Детектив намеренно опустил ее ученую степень.

— Доктор Гретхен Уайт, — раздраженно поправил себя Шонесси. — Наш местечковый социопат.

Последняя фраза предназначалась Лорен Маркони. Детектив озадаченно приподняла косматые брови, и по ее гладкому лбу рябью пробежали морщинки. Наверняка она восприняла это выражение как дружескую шутку: теперь «социопатами» обзывали кого ни попадя и слово потеряло всякий разумный смысл. Бедняжка. Вскоре она узнает, что Шонесси и не думал шутить.

Гретхен воспользовалась замешательством Лорен и хорошенько ее рассмотрела. А ведь детектив не так

молода, как ей показалось. «Гусиные лапки» в уголках глаз и вертикальные складки возле рта выдавали в ней женщину, перевалившую за тридцать.

Маркони едва заметно улыбнулась и, не дрогнув, выдержала испытующий взгляд Гретхен. Как и большинство женщин-полицейских Бостона, Маркони предпочитала наряд, создававший образ грозного и умеющего постоять за себя профессионала, то есть ботинки, джинсы, свитер и надетую под низ рубашку. И не жаловала косметику. Гретхен понимающе усмехнулась: если женщина-полицейский не хотела, чтобы в гнусном гадюшнике, именуемом полицейским управлением, ее затравили старые толстые белые чмошники, она волей-неволей поступалась женственностью.

Маяча за левым плечом Шонесси, детектив излучала уверенность, стойкость и почтительность. Но маска серьезности на ее лице не могла скрыть ее невероятной естественной красоты, от созерцания которой на Гретхен обычно нападало желание замучить кого-нибудь самым невыносимым образом.

Гретхен прищурилась и перевела взгляд на Шонесси.

— Наш местечковый социопат... — пожевал тот губами, — ...и бесценный внешний консультант полицейского управления. Помогла нам распутать несколько десятков дел, связанных с диссоциальным расстройством личности и преступлениями насильственного характера.

— «Консультант» — значит человек, делающий за него всю работу, — пробормотала Гретхен, наклоняясь к Маркони. Если Шонесси утром встал не с той ноги и мечтает затеять свару, она в долгу не останется. — Меня зовут, когда полицейские не могут выбраться из тупика, в который сами себя завели.

— Зовут на свою голову, — вяло, без должного огонька буркнул Шонесси. — Лучше бы сразу призывали дьявола, а ее бы оставили леденцы сосать.

Это была их старая, избитая шутка, скорее дразнилка, вряд ли, впрочем, понятная стороннему слушателю. Гретхен вопросительно покосилась на Маркони, но отрешенное лицо детектива хранило выражение полнейшей невозмутимости.

— Из-за твоей чудовищной некомпетентности у меня дел невпроворот, — огрызнулась Гретхен, немного кривя душой.

Убийства в таком крупном городе, как Бостон, происходили нечасто, и хотя Гретхен несколько раз оказывала услуги ФБР, агентство не привлекало ее к расследованиям за пределами штата Массачусетс.

Но Гретхен не жаловалась. Солидный трастовый фонд поддерживал брэнное существование, а консультирование загружало интеллектуальной работой ее мозг. Работой важной и необходимой. Любой ценой Гретхен старалась избежать скуки. Скука вела к нервным срывам и безобразным выходкам, грозившим разрушить жизнь, которой она в настоящее время искренне наслаждалась.

Расследуя преступления, она удовлетворяла нездоровое, зародившееся в ней еще в детстве любопытство к мертвым телам. Когда же расследовать было нечего, она писала статьи для научных журналов. Статьи, которые, естественно, никто не читал, укрепляли ее профессиональную репутацию, что давало копам весомое основание обращаться к ней за помощью.

Гретхен снова уставилась на Лену, распростершуюся на диване стоимостью в десять тысяч долларов. Лена два месяца колебалась, стоит ли его покупать.

— Итак, Грета, каким ветром тебя сюда занесло? — озабоченно спросил Шонесси, подходя ближе.

Полицейские, словно темно-синие волны, плещущиеся о берег однотонных бежевых стен, сновали туда-сюда по квартире, но Гретхен и Шонесси их не замечали.

— Таким, что именно я обнаружила тело.

Шонесси недоверчиво запыхтел:

— Копы находят меньше мертвецов, чем ты.

Гретхен вздохнула — крыть было нечем.

Ее глаза зашныряли по телу, отмечая и заноса в память первые признаки трупного окоченения, обусловленного химическими процессами в мышечной ткани: остекленевшие зрачки, стиснутые челюсти, сведенная судорогой шея. Час назад, когда Гретхен ворвалась в квартиру, ей померещилось, что Лена безмятежно спит.

Теперь же у нее не оставалось ни малейших сомнений: подруга мертва.

— Передозировка, — вздохнула Гретхен.

В прошлом Лена баловалась обезболивающими, но всегда — благо в средствах она не нуждалась — покупала очень добротную наркоту. Правда, Гретхен не поручилась бы, что в наши дни даже добротную наркоту не разбавляют фентанилом. С другой стороны, с Лены стало бы потерять осторожность и пуститься во все тяжкие, не заботясь о последствиях.

— Передозировка, а не самоубийство? — уточнила Маркони, видимо получив от Шонесси условный сигнал, что Гретхен допущена к расследованию, невзирая на отсутствие у нее полицейского значка. — Я так понимаю, посмертной записки нет?

Этот глупый вопрос взбесил Гретхен окончательно, и она поспешно отступила на пару шагов, чтобы не броситься на Маркони с кулаками. Давно ее не охватывал приступ столь неистовой злобы. Давно железный занавес ее внутреннего самообладания не ослабевал под натиском столь бешеной ненависти. Давно ее не трясло от желания переломать кому-нибудь кости и обагрить ладони свежей человеческой кровью.

— А тебя каким ветром сюда занесло? — спросила она Шонесси, пропуская вопрос Маркони мимо ушей. Она давно поняла, что лучший способ обуздать внезапно накатывающую безумную ярость — усилием воли выбро-

силье все из головы и отвлекаться на что-нибудь постороннее. — Передозировки не твой конек.

Шонесси долго молчал, оглядывая тело, оставленное врачами скорой лежать в той же позе, в котором оно изначально находилось, и произнес:

— Я веду дело Виолы Кент.

— А я будто не знаю, — хмыкнула Гретхен и, не скрывая пренебрежения, повернулась к детективу спиной.

— Лена Букер защищала Виолу Кент, — упрямо гнул Шонесси, словно бостонская пресса не трубила об этом деле на первых полосах газет. Слово Лена Букер не была близка с Гретхен. Так близка, что Гретхен называла ее «подругой».

— Хочешь верь, хочешь не верь, но это не ускользнуло от моего внимания, — процедила Гретхен.

Ни один мускул не дрогнул на ее бесстрастном лице. Никто не прочел бы на нем ни о последнем сообщении, оставленном Леной на автоответчике незадолго до смерти, ни о папке с документами, подобранной Гретхен рядом с телом усопшей до того, как приехали медики и криминалисты. Папке, подписанной «Виола Кент».

— И по этой причине они не увезли тело?

Шонесси приподнял плечо:

— Мэр и комиссар требуют досконального расследования. Сама понимаешь, какая свистопляска начнется, если со смертью Лены не все окажется чистым.

«Свистопляска» — это слабо сказано. Если выяснится, что смерть Лены связана с самым громким за последнее время убийством, закрутится бешеная карусель. Трагедию, обрушившуюся на семью Кентов, успели пере-тереть до мельчайших подробностей, и наскучившим читателям требовались новые сенсации.

Полгода назад, чуть ли не день в день, тринадцатилетняя Виола Кент до смерти заколола свою мать, Клэр Кент, пока та спала. Отец Виолы, Рид Кент, когда его

прижали к стенке, сознался, что дочь проявляла склонность к насилию и наблюдалась у психиатра. Дальше события нарастали как снежный ком: сплетники трезвонили по всей округе об обнаруженных на участке костях животных, смаковали фотографии младших братьев Виолы, чьи изувеченные тела покрывали синяки и шрамы, а родители одноклассников Виолы делились историями об издевательствах и манипуляциях над своими детьми.

Вскоре ни у кого, в том числе и у бостонских полицейских, не осталось сомнений, что Виола Кент, несмотря на юный возраст, не позволяющий врачам поставить ей окончательный диагноз, — форменный психопат.

Все было яснее ясного: кровожадность Виолы, годами томившаяся под гнетом, наконец пробудилась и, как и боялись ее родители, потребовала выхода.

И хотя Виола приковала к себе пристальное внимание публики, всем казалось, что дело ее не стоит выеденного яйца. В то же время Лена, пока была жива, отказывалась отвечать на вопрос, почему она взялась защищать девчонку, которую все — не только в городе, но и в стране — считали виновной.

И вот вам — пожалуйста. Даже если смерть Лены не имела никакого отношения к убийству, совершенному Виолой Кент, одно неверное слово об их возможной связи — и журналисты своего не упустят и знатно нагреют руки, поднимая рейтинги газет и телепрограмм. А уж о давлении, которое окажут на полицейских, чтобы они отработали на совесть и, не дай бог, ничего не скрыли от общественности, и говорить не приходится.

Малейший намек на скандал в преддверии судебного разбирательства — и все их труды пойдут насмарку.

Гретхен затрепетала, вспомнив приглушенный всхлип Лены, ее судорожное дыхание и покаянные слова.

«Я наломала дров, Грета».

2

Рид

Через три месяца после гибели Клэр Кент...

Эйнсли выключила телевизор, но Рид упорно продолжал тарашиться в темный экран.

— Хватит себя изводить.

Швырнув пульт на журнальный столик, Эйнсли присела рядом.

Рид знал, что сестра права, однако с ненасытной жадностью поглощал телевизионные новости и прямые репортажи с места событий, посвященные убийству Клэр. Но проходили недели, и телевизионные хроники всё чаще сменялись тупейшими, муссировавшими криво-толки телешоу, не приносившими ему ничего нового. Державшими их с Эйнсли на голодном пайке.

— Себастиан и Майло? — прокаркал Рид.

Его помешательство на сыновьях, на том, где они и чем заняты, граничило с паранойей. Двадцать минут назад он пожелал им спокойной ночи и теперь не находил себе места, терзаясь, не стряслась ли с ними беда. Он никак не мог унять тревогу. Она стала его постоянной спутницей.

— Уснули, не успев головами подушек коснуться, — улыбнулась сестра, игриво подталкивая его плечом. — Тебе тоже не мешало бы поспать.

Рид почесал костяшку пальца с еле заметным, перекававшим сустав шрамом. Нельзя срывать на Эйнсли — она все бросила ради него. Заменяла ему и мальчикам мать, пока шел процесс над Виолой. Однако ее нежелание оставить его в покое действовало ему на нервы. Эйнсли вечно пыталась учить его жизни. Разумеется, для его же блага.

— Я не устал, — прошептал он.

У него нет прав раздражаться. Он должен быть благодарен сестре за доброту и заботу.

Схватив пульт, он включил телевизор. Передавали новости. Эйнсли вздохнула, но ничего не сказала, когда в левом углу экрана появилось точеное, красивое лицо Клэр. Журналистка с постной миной, приличествующей серьезности момента, безмолвно открывала и закрывала рот, так как Рид выключил звук. Какая разница. Он знал наизусть, о чем она там талдычит.

— Господи, когда ж это кончится, — пробормотала Эйнсли. — Клэр умерла три месяца назад. Можно подумать, за это время в мире не произошло ничего более важного.

«Клэр *убили* три месяца назад», — мысленно поправил ее Рид. Послушать Эйнсли, так Клэр погибла в автокатастрофе или скончалась от хронического недуга, а не пала жертвой безжалостного убийцы.

Впрочем, стоит ли удивляться повышенному интересу средств массовой информации и публики к его семье? Американские кабельные каналы грезят о таких лакомых кусочках, как дело Виолы. Здесь есть все, чтобы раздуть шумиху: богатая семья, неуправляемая психопатка-дочь, подавленный горем моложавый и очаровательный вдовец.

И представить страшно, что произойдет, копни репортеры эту историю чуть глубже.

«Никто копать не станет, — успокоила его Лена пару недель назад, когда он поделился с ней опасениями, открылся: мысль о том, что все выплывет наружу, не дает ему сомкнуть глаз. — Они даже не подозревают, что мы с тобой лет сто как знакомы».

Сушая правда. «Говорящие головы» терялись в догадках, зачем Лена Букер взялась за дело Виолы Кент, но никто из них так и не нащупал путеводной нити, которая размотала бы клубок, связывающий воедино жизни Рида и Лены, некогда двух бедных ребяташек, умудрившихся назло всем выбиться в люди из нищеты и грязи Саути, Южного Бостона.

«Гляжу, ты не особо благоволишь к своим корням», — хихикнула Лена, ткнув его в бок острым локтем.

В восемнадцать лет Рид повстречал Клэр, девушку из высшего общества, единственную дочь одного из городских богатеев. По какой-то неведомой причине она сочла, что он достоин водить ее на свидания, спать с ней и жениться на ней.

Тайну, почему она выбрала именно его, Клэр унесла в могилу.

В то время, однако, ему было не до тайн. И не до вопросов. Он прочно врос в залитую бетоном почву Саути. Когда Клэр предложила ему убраться оттуда, он не заставил просить себя дважды.

Фотография Клэр над плечом телеведущей исчезла, появилась фотография Виолы.

Эйнсли безмолвно вытянулась, готовая в любое мгновение приободрить и приласкать испуганного зверька, своего брата. Но на Рида ее утешения больше не действовали.

Не отрываясь от экрана, он скреб шрам на костяшке.

О чем болтала эта женщина? Обстоятельно перечисляла зверства Виолы? Недавно кто-то пустил слухок о висячем замке на двери в спальне мальчиков — и на улице сарафанного радио вновь наступил праздник. Да и кто пропустил бы такую пикантную подробность?

Или дикторша поражалась нанесенным Клэр ножевым ранам, ища и не находя ответа: что переполнило чашу терпения Виолы и толкнуло ее на убийство матери?

На экран поместили его собственное фото, и телеведущая сочувственно и скорбно понурилась, как делали все вокруг, когда речь заходила о Риде.

Эйнсли попыталась выхватить у него пульт, но он отвел руку.

Интересно, а что бы эти люди сказали — да, да, что бы сказали все эти люди, взирающие на него со смесью жалости и откровенного любопытства, — узнай они правду?

Эйнсли вздохнула и нетвердой рукой потрепала его по колену.

— Не мучь себя, ладно?

Рид хмыкнул — вот еще, не дожدهшься — и защелкал пультом, переключая каналы, пока на экране снова не замелькало лицо Клэр.

Плохо же Эйнсли его знала, если думала, что для душевных мук ему требуется помощь новостных программ.

3

Гретхен

Наши дни...

Сложив на груди руки, Шонесси навис над телом Лены, затем вскинул голову и в упор уставился на Гретхен:

— Не будь все ясно, как дважды два, я предположил бы, что это ты ее укокошила.

Гретхен до боли в челюсти стиснула зубы. Сосчитала до десяти, успокоилась. Никакого яда в голосе. Никакой враждебности. Она легка и беззаботна. Что ее жизнь? Великолепно срежиссированный и блистательно сыгранный спектакль!

— Прощу прощения, — ухмыльнулась она, — но я бы все сделала чисто. Комар носу не подточил бы.

— Так поэтому я и сказал «не», — многозначительно произнес Шонесси, пряча улыбку в уголках рта.

Маркони растерянно заморгала:

— Странные у вас шутки, честное слово.

— А мы и не шутим, — заверила ее Гретхен. — Что же до детектива, то он вообще лишен чувства юмора.

— Вам виднее. — Пожала плечами Маркони.

Ничего не скажешь, весомый интеллектуальный вклад в беседу. Гретхен поспешила прочь. Нараставшая в ней

ядерная смесь из скуки и раздражения теснила грудь, и она боялась, что вот-вот взорвется. Изо дня в день балансируя на туго натянутом канате, перекинутом над пропастью между двумя уступами социопатии — насилием и противлением насилию, — она уяснила одно: начинаешь терять хладнокровие — уноси ноги.

— И это наш консультант? — спросила Маркони у Шонесси, кивком указывая на спину удалявшейся Гретхен. — Взаправду?

Шонесси что-то забубнил, но Гретхен его не слушала. За годы их совместной работы ему так часто приходилось объяснять людям, кто она такая, что они оба вызубрили эти набившие оскомину фразы назубок.

Более десяти лет назад Шонесси пригласил Гретхен Уайт, доктора психологии, статистики и криминологии, в качестве консультанта по одному уголовному делу, где подозреваемый, по мнению Шонесси, вел себя наподобие Гретхен. Расследование удалось на славу, и Шонесси продолжал обращаться к ней за помощью: вначале осторожно, затем более и более охотно. Его примеру последовали другие детективы, и вскоре Гретхен стала довольно известной, хотя и не особо любимой персоной в Бостонском полицейском управлении. За минувшее десятилетие она помогла раскрыть несколько серьезных преступлений, поэтому на ее сомнительное прошлое в управлении глядели сквозь пальцы.

В начале девяностых, задолго до получения ученой степени и работы консультантом, Гретхен числилась главным подозреваемым в первом крупном деле об убийстве, доверенном детективу Патрику Шонесси. Гретхен едва вышла из младенческого возраста, а детектив, не успевший отрастить брюхо и облысеть, шеголял пышной светлой шевелюрой и золотым обручальным кольцом на пальце левой руки.

Жертвой убийства была Роуэн Уайт, тетушка Гретхен, а убийцей, как полагал Шонесси, — разумеется, Гретхен.

Однако доказать этого Шонесси так и не смог.

Во имя объективности, которой Гретхен не часто баловала детектива, надо отметить, что их знакомство прошло не совсем гладко: Шонесси увидел Гретхен, когда она склонилась над бездыханной тетушкой, одной рукой стискивая окровавленный нож, впоследствии признанный орудием убийства, а другой — сжимая края отверстой раны на теле убитой. Причем на лице ее, вопреки ожиданиям, Шонесси не заметил присущего детям испуга, а лишь пытливый интерес исследователя, ощупывающего пальцами разодранную плоть.

Масла в огонь добавили и расползшиеся по району слухи о ее странностях. Мол, соседи боялись взглянуть ей, маленькой девочке, в глаза и перебежали на другую сторону улицы, заметив ее приближение.

Вскоре она поняла, что ни ее возраст, ни ее взгляд не имели никакого значения. Просто нормальные люди, которых она величала «эмпатами» в пику тому, как они обзывали ее «социопаткой», обладали шестым чувством, позволявшим им безошибочно определять затесавшегося в их ряды чужака, волка в овечьей шкуре, нацепившего маску добропорядочности, дабы сойти за полноправного члена общества.

Поэтому, когда убили тетушку Роуэн, Гретхен стала единственной подозреваемой. С годами Шонесси дорос до порядочного копа, но в те времена отличался узостью мышления. К тому же его ослепляла уверенность в виновности Гретхен. Он не желал раскидывать мозгами, не желал искать ответ на вопрос, кто в действительности совершил преступление.

А то, что Гретхен ничего не помнила, лишний раз убеждало его в собственной правоте: Гретхен — исчадие ада и непревзойденная лгунья, ловко обманывающая взрослых.

Он с первых же минут увидел в ней волка в овечьей шкуре. Увидел и постоянно об этом напоминал.

Убийство перешло в разряд «висяков», но Шонесси не успокоился. И если бы не изуверская жестокость в его одержимости, Гретхен нашла бы его заикленность на ее особе хоть и назойливой, но все же забавной.

Бессильный ее арестовать, Шонесси не спускал с нее глаз. Гретхен язык намозолила, вдалбливая ему в голову, что великое множество людей с диагностированным диссоциальным расстройством личности не агрессивны и не проявляют насилия. Тщетно. Для Шонесси она навсегда осталась девчушкой с непроницаемым взглядом, склонившейся над обезображенным мертвым телом.

Когда в новостях прозвучало сенсационное сообщение о деле Виолы, Гретхен, потрясенная ошеломительным сходством убийства Клэр Кент с убийством тети Роуэн, ушла в трехдневный запой. Невероятно: окровавленная жертва, нож и главный подозреваемый — маленькая девочка! Конечно, хватало и отличий, однако тождество двух преступлений немало ее взбудоражило, и она принялась докучать Лене просьбами поделиться информацией о Виоле. Лена неизменно отвечала отказом.

«Вы с ней одного поля ягоды».

Лена позвонила в четыре утра, но Гретхен, погруженная в глубокий сон, не взяла трубку. Разбудил ее требовательный гудок автоответчика.

Лена долго молчала, и в трубке висела томительная, нарушаемая статистическими помехами тишина. Будь это кто-то иной, а не Лена, Гретхен прервала бы сообщение и, запустив телефоном в другой конец комнаты, завалилась бы обратно спать.

Но тут раздался тихий, сдавленный вскрик:

— Я наломала дров, Грета.

У Лены заплетался язык, даже имя «Грета» она произнесла запинаясь. «Вино или таблетки», — подумала Гретхен.

— Вы с ней одного поля ягоды, — пробормотала Лена. — Она... она — это ты.

— Кто «она», милая? — прошептала Гретхен, боясь упустить хоть слово.

— Я наломала дров, — повторила Лена совсем не свойственным ей глухим и печальным голосом. — Исправь все вместо меня, ладно?

Гретхен сжала губы в прямую линию. Голос Лены дрожал, дыхание сбилось.

Да чем там Лена себя одурманила?

Молчание затягивалось, и Гретхен испугалась, что подруга рухнула в обморок, не выключив телефон. Но трубка ожила вновь.

— Ты всегда все исправляла...

— Что мне исправить на сей раз? — спросила Гретхен, понимая бессмысленность своего вопроса.

— Дело Виолы Кент, — мгновенно отозвалась Лена, будто услышав ее. — Гретхен... Виола Кент невиновна.

На этом сообщение обрывалось.

Прерывистый голос Лены так испугал Гретхен, что она подумывала набрать телефон службы спасения. Но подними она ложную тревогу — и Лена ее убила бы: всеведущие журналисты наверняка пронюхали бы об этом и тотчас разместили новость о неадекватном поведении адвоката Виолы Кент на первых полосах газет. Так что Гретхен запрыгнула в машину, подкатила к дому подруги и открыла дверь запасными ключами, которыми ее снабдила Лена.

«Лена просто перебрала, Лена вовсе не наширилась», — успокаивала она себя, мчась по пустынным улицам Бостона.

Однако, бешено гоня машину, стремительно пересекая вестибюль и подпрыгивая в нетерпеливом ожидании бесконечно ползущего лифта, Гретхен словно воочию видела маленький пакетик, засунутый в полупустую упаковку с тампонами, которую она откопала в шкафчике в Лениной ванной.

Рассудив, что Лена имеет полное право расслабляться, как ей вздумается, после напряженной и изматываю-

шей работы, Гретхен ничего не сказала подруге и записала упаковку обратно на полку.

И теперь очень об этом жалела. Ну почему она не забрала чертов пакетик и не смыла таблетки в унитаз! Обнаружь Лена пропажу, Гретхен сделала бы морду кирпичом и от всего открестилась бы. Вранье никогда не вызвало у нее затруднений.

Наконец Гретхен переступила порог Лениной спальни, выдержанной — если не считать ломившуюся от книг полку, раскинувшуюся почти во всю стену, — в таком же спартанском стиле, как и остальная квартира.

Странно, но в обстановке комнат никак не проявлялась сильная и яркая личность их хозяйки. Гретхен находила это необъяснимым. Обычно эмпаты так себя не вели. Гретхен, со своей стороны, уделяла убранству дома повышенное внимание, осмотрительно набивая комнаты предметами, которые не имели для нее никакой ценности, но внушали гостям иллюзорные представления о богатстве ее внутреннего мира. Какого только тумана не приходится напускать, маскируя душевный вакуум.

Гретхен пересекла комнату и подошла к ночному столику. Взяла в руки рамку с фотографией Лены и ее бабушки на выпускном вечере юридической школы и нежно провела кончиком пальца по лицу подруги.

— Я вот чего не понимаю, прямо умираю от любопытства... — вывел ее из задумчивости застывший в дверном проеме Шонесси. Напарницу он, видимо, потерял где-то по дороге из гостиной в спальню.

Гретхен промолчала: нет нужды поощрять Шонесси, он и без того все выложит.

— Почему Лена взялась за это дело?

Вопрос детектива оказался удивительно созвучен ее собственным мыслям. Гретхен обернулась к Шонесси и, размышляя, склонила голову набок:

— Все полагают, из-за меня.

— Из-за того, что Виола Кент несомненный... — Шонесси неловко повел рукой.

— ...психопат, — закончила Гретхен, забавляясь его нерешительностью. — Говори не стесняясь. Этим ты ее не призовешь.

Шонесси фыркнул:

— Значит, Лена взяла это дело не из-за тебя?

— Не из-за меня, — замотала головой Гретхен, отгоняя раздавшийся в ее ушах призрачный голос Лены: «*Вы с ней одного поля ягоды*». — Предполагая обратное, ты упускаешь из виду одно важное обстоятельство.

— Какое?

— Такое, что Виола Кент — психопат, склонный к насилию.

— Это мы уже установили, — отрывисто бросил Шонесси, однако в его тоне не сквозило и тени раздражения.

Обычно детектив, в отличие от Гретхен, которая вспыхивала, как порох, прекрасно владел своими эмоциями. Возможно, они идеально подходили друг другу, и одна мысль об этом приводила Гретхен в неопишемую ярость.

— А я не склонный к насилию психопат, — сварливо добавила она. — Для тебя что склонный к насилию психопат, что не склонный — все едино, а вот Лена понимала разницу между ними.

— И какая между ними разница? — уточнила Маркони, выглядывая из-за спины Шонесси.

Гретхен скользнула по ней взглядом, раздумывая, многое ли та успела ухватить из их разговора и нужно ли ей вообще отвечать. Напарники у Шонесси менялись, как узоры в калейдоскопе, и не оставляли по себе никакой памяти, кроме имен. Правда, некоторые из них отличались любезностью и учтивостью, хотя Гретхен крайне сомневалась, что Маркони из их числа. В другое время она проигнорировала бы вопрос Маркони, но сейчас на нее, ожидая ответа, пристально взирал Шонесси,

и ей не хотелось портить благодушного настроения детектива.

— Такая же, как между серийным убийцей-маньяком Тедом Банди и... — Гретхен поморщилась и неохотно выдавила давно приевшуюся ей глупость: — ...и брокером-дегенератом с Уолл-стрит.

— Ясно, — кивнула Маркони.

Шонесси одобрительно замычал, хотя слышал эту фразу бесчисленное количество раз — ровно столько же, сколько Гретхен слышала его объяснения по поводу дамы без полицейского значка, слоняющейся по месту преступления.

— И что ты обо всем этом думаешь, Грета? — спросил Шонесси.

«Я наломала дров...»

— Это не убийство.

Когда знаешь кого-то почти три десятка лет, приобретаешь способность без труда читать невысказанные им или ею мысли.

— Ну да, — с легкостью согласился Шонесси. — Но ты что-то не договариваешь, верно?

Гретхен оглядела спальню и вновь уставилась на Шонесси. Электрический свет, заливавший коридор, ослеплял ее, и ей никак не удавалось рассмотреть выражение лица детектива.

Гретхен вольно обращалась с правдой и не гнушалась недомолвками и беспардонной ложью. Она не собиралась посвящать Шонесси в подробности этой ночи и тем более прокручивать ему сообщение, оставленное Леной на автоответчике. Но она хотела заинтриговать его и добиться разрешения начать собственное расследование.

Нельзя сказать, что утверждение Лены заставило ее безоговорочно поверить в невиновность Виолы. Любой мало-мальски недурственный адвокат, заслуженно получивший диплом, сойдет в могилу, клянясь в непричастности своего

подзащитного к совершенному преступлению. В случае с Леной это произошло в прямом смысле слова. Нет, Гретхен клюнула на другое: на беспомощное «*Я наломала дров, Грета*» и лежавшую на виду папку с именем Виолы. Здесь скрывалась какая-то тайна. И пока она не разгадает ее, пока не выяснит, что Лена совершила или не совершила, она постарается держать рот на замке. Особенно с Шонесси.

Без которого ей, к сожалению, не обойтись. Ведь именно Шонесси вел дело Виолы Кент, и, значит, ей предстояло подцепить его на крючок, бросить ему соблазнительную наживку и попутно отыгаться за нанесенную в прошлом обиду, когда он, едва войдя в комнату, заклеил ее убийцей. Она знала, куда следует надавить: один намек, что он снова проворонил других подозреваемых, — и дело в шляпе.

Гретхен со скрипом обзаводилась знакомыми и друзьями и в мгновения, подобные этому, восхваляла судьбу, одарившую ее хотя бы несколькими из них. Изучая их, нащупывая их слабости, страхи и изъяны, а затем манипулируя ими, она испытывала головокружительную эйфорию, недостижимую даже после приема самых улетных наркотиков.

А слабые места Шонесси она знала вдоль и поперек.

— Верно. Мне звонила Лена, — ответила она, скрепящая на груди руки. В такой позе она чувствовала себя наиболее уютно.

Кустистые брови Шонесси поползли вверх. Их густота, столь не гармонирующая с гладким, как бильярдный шар, черепом, всегда поражала Гретхен.

— Чего? — переспросил Шонесси, нарочно употребив самое ненавистное для нее слово.

«Чего?» выводило Гретхен из себя: расплывчатое и неточное, оно вынуждало собеседника повторять то, о чем он — определенно и вразумительно — говорил раньше, и болезненно резало слух. Гретхен насупилась.

— И что же она сказала? — пошел на попятную томимый любопытством детектив.

— Она объяснила, почему взялась за это дело, — ничтоже сумняшеся соврала Гретхен, смотря Шонесси прямо в глаза.

Хочешь впечатлить — разыграй драму. Гретхен кожей ощущала нетерпение Шонесси выяснить наконец, почему Лена Букер решила защищать Виолу Кент. Ведь это не лезло ни в какие ворота!

Тринадцатилетняя девчонка, зарезавшая мать, и несколько месяцев, предшествовавших убийству, жестоко истязавшая всю семью, после ареста не проявляла никаких признаков раскаяния. Будь это не Лена, а кто-то другой, Гретхен не сомневалась бы, что все упирается в деньги, саморекламу и скачок по карьерной лестнице, который неизбежно влечет за собой столь громкое, хоть и провальное дело.

Но Лена избегала публичности и гнала прочь как заслуживающих доверия журналистов, так и не заслуживающих доверия телеведущих паскудных шоу, вымаливавших у нее крохи информации ради насыщения изголодавшейся аудитории.

Более того, все прекрасно знали, что Лена занималась только двумя типами преступлений. Во-первых, совершенных ее основным работодателем — мафией, благодаря которой она достойно встретила смерть на диване стоимостью десять тысяч долларов.

И во-вторых, правонарушениями нищих подростков из Саути, которым в противном случае достался бы заваленный работой общественный защитник. Однако за такие дела — а их можно было перечесть по пальцам — Лена бралась очень избирательно и не без особой причины.

Преступление Виолы Кент, дочери баснословно богатых Рида и Клэр Кентов, не попадало ни под одно из перечисленных.

Шонесси и Маркони качнулись вперед, и воздух задрожал от напряжения. Гретхен умело подвела детективов к волнующей развязке. Разумеется, она просто играла с ними, добиваясь от Шонесси полной свободы действий, и все же, вероятно, не сильно уклонилась от истины, произнеся:

— Лена думала, что Виола Кент невиновна.

Брови Шонесси изогнулись домиком, Маркони хрипло задышала.

— А это значит, детектив, — хмыкнула Гретхен, — что ты снова попал пальцем в небо.

4

Рид

Через месяц после гибели Клэр...

Организация похорон заняла у Рида месяц. И это притом, что основная работа легла на плечи Эйнсли.

Разумеется, с похоронами он хватил через край, однако теперь Риду прощалось все: никогда прежде к нему не относились с такой благостной снисходительностью. Ну как же — погибшая жена и психопатка дочь! Добавьте к этому двух затравленных мальчуганов, которых Рид, по общему мнению, защищал всеми мыслимыми и немыслимыми способами, и он вышел бы сухим из воды из любой передрыги — даже если бы совершил убийство.

Неуместный смешок, заставивший вздрогнуть отца Ричардса, вырвался из груди Рида. Он притворно закашлялся, извинился перед священником и ринулся прочь, раздвигая толпу, битком набившуюся в коттедж. Люди, вытягивая шеи, оборачивались ему вслед, чтобы ничего не упустить из разворачивающейся на их глазах, словно в замедленной съемке, катастрофы человеческой жизни.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

